
Дмитрий Шемякин
ГОРОД
БОГОВ
часть 2
ОРУЖИЕ

Дмитрий Шемякин

Город богов- 2. Оружие.

«Автор»
2026

Шемякин Д.

Город богов- 2. Оружие. / Д. Шемякин — «Автор», 2026

Продолжение истории о приключениях экспедиции Петра Беляева на Тибет, в поисках неведомого оружия древних цивилизаций

© Шемякин Д., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий Шемякин
Город богов- 2. Оружие.

Глава 1.

Процессия чинно прошла через высокую башню, в которой была широкая арка.

— Субурган бар чоден, — сказал Жамсо. — Главные городские ворота Лхасы.

Путники не торопясь шли то по широким, то по узким улочкам города, удивляясь разнообразию построек. Пётр и его друзья видели то ветхие хижины, то добротные каменные дома в несколько этажей. Часто попадались многоярусные башни пагод.

Пётр обратил внимание, что на улицах, кроме них, практически нет европейцев. «Англичан, — думал он, — узнаем сразу, когда встретим. Интересно, они уже побывали на приёме у Далай-ламы?»

Они перешли мост через реку, протекающую через город, по берегам которой сидели рыбаки.

— Ох, как на рыбалку хочется! — простонал Терентий.

Беляев укоризненно посмотрел на Чернозипунникова, но ничего не сказал.

Процессия перешла ещё несколько мостов и, попетляв по улочкам, вышла к подножию горы, на которой был расположен огромный дворец, в котором было всё: и многоярусные башни, и колонны, и многоступенчатые зиккураты.

— Добро пожаловать в Норбулинку, в летнюю резиденцию Далай-ламы, — торжественно сказал Жамсо.

— Чем-то родным пахнуло, — засмеялся Беляев. — Пречистенка, Неглинка, Норбулинка…

Они поднялись по широкой извилистой дороге в одно из крайних помещений дворца — в высокое пятиэтажное здание.

— Прошу располагаться, — радушно сказал Жамсо. — Наши люди позаботятся о ваших вещах и животных.

Товарищи старика помогли Чернозипунникову расседлать лошадей и перенесли вещи в нижнюю клеть здания, а сам Жамсо махнул Петру рукой:

— Следуйте за мной, русские друзья.

Все начали подниматься за стариком по истёртым временем лестницам, минуя колонные залы, многочисленные статуэтки и вереницы молитвенных барабанов.

Наконец они поднялись на этаж и вошли в коридор, в конце которого было несколько дверей.

— Располагайтесь, — сказал старик. — В этих помещениях есть всё, что вам понадобится. Если что-то будет нужно ещё — в каждой комнате есть колокольчик. Завтра в полдень я зайду за вами, чтобы привести вас к Далай-ламе.

Жамсо удалился, а Беляев заглянул в несколько богато обставленных комнат.

— Не привыкли мы к таким хоромам, — смущённо сказал он, — но придётся потерпеть.

Он оглянулся на своих друзей, которые тоже, робея, жались друг к другу. Первым не вытерпел Чернозипунников. Он скинул ботинки и решительно протопал по мягким коврам, бросив на резной деревянный столик свою котомку:

— Баста, натерпелись. Отдыхать будем.

Этот возглас будто привёл всех в чувство, и отряд, гомоня, разошёлся по комнатам.

Весь день группа мылась, отсыпалась, ела кушанья, которые приносили молчаливые — не то монахи, не то официанты. Беляев с помощью Фа попробовал их разговорить, чтобы узнать, были ли тут англичане, но тибетцы только улыбались и кланялись, мотая головами, давая понять, что они не расположены к разговору.

Василий Мухин улучил момент, когда все ушли на широкий балкон любоваться горными пейзажами, открывающимися с высоты, и постучался в комнату Лизы.

Лиза поспешно спрятала статуэтку Папая и открыла дверь.

— Вот ты, оказывается, какая, Лизавета, скрытная, — улыбаясь, сказал Василий. — Значит, у самого Дзержинского на хорошем счету. Мне Беляев рассказал.

— Ещё больше он тебе не рассказал, потому как не положено, — отозвалась Лиза.

В синих шароварах, перехваченных по тибетскому обычаю у щиколоток ремешками, и в меховом жилете Лиза походила бы на местную жительницу, если бы не её большие голубые глаза и светлые волосы.

— Наверно, такая важная птица и смотреть не станет на простого кавалериста, — чуть обиженно сказал Василий.

— Ну, если простой кавалерист не будет прибедняться, — улыбнулась Лиза, — и потом, в этой экспедиции, Вася, у тебя есть все шансы стать не простым. Таким, что…

В комнату к Лизе, постучав, вошёл Беляев.

— В общем, так, братцы-кролики. Завтра на первую встречу с Далай-ламой пойду я один. А там будет видно. А вас я завтра попрошу быть наготове.

Ночь Беляев спал плохо, вспоминая свой разговор с Дзержинским накануне поездки. Да, завтра будет сложный день, от которого зависит многое.

Ровно в полдень на следующий день Пётр шёл за Жамсо по длинным, залитым солнцем залам дворца. Для официальности Беляев был облачён в галифе, сапоги, а к гимнастёрке был привинчен орден Красного Знамени. Позади Петра двое помощников Жамсо несли ящик с Буддой, который преодолел трудный путь в тысячи километров. Пётр ступал по плиточному полу, разрисованному письменами, и молча ругал себя. Ну неужели сейчас момент в его жизни страшнее, чем когда его, избитого и связанного, колчаковцы гнали на расстрел? Но сейчас он чувствовал куда более сильное волнение.

Наконец они вошли в огромный зал, стены которого были отделаны красным бархатом, а в позолоченные витые колонны были встроены молитвенные барабаны — хурдэ. Тут тоже была статуя Будды, руки которого были сложены ладонями кверху. Беляев хотел припомнить рассказы Ульфсона и Фа, что означает этот жест, но было уже некогда.

— Тхуптен Гьяцо, Далай-лама Тринадцатый, — провозгласил Жамсо.

Пётр увидел в глубине зала невысокий простой помост, устеленный кошмами, на котором сидел молодой мужчина лет тридцати, одетый в длинные парчовые одежды. Молодой человек был наголо брит; тонкие брови аккуратно поднимались над голубыми, чуть навыкате глазами. Редкие, жидкие усы тянулись параллельно подбородку. Верхняя губа, из-под которой виднелись ровные белые зубы, была приподнята.

Далай-лама встал и, сделав несколько шагов навстречу Петру, улыбаясь, заговорил.

Из-за спины правителя Тибета вышел ещё один молодой человек, но он разительно отличался от Далай-ламы. Это был маленький толстячок с круглым, как блин, лоснящимся лицом без единого волоса. Глаза его были настолько узки, что цвет их невозможно было разобрать. Но по-русски он говорил не хуже Жамсо.

Далай-лама заговорил низким и приятным голосом. Толстяк добросовестно переводил:

— Далай-лама Тринадцатый рад видеть в древней Лхасе посланников из далёкой России, где жил Махатма Владимир Ильич Ленин. Каков был ваш путь? Сыты ли вы? Одеты ли вы? Удобно ли вас разместили во дворце?

Пётр, учтиво склонив голову, терпеливо отвечал на эти вопросы вежливости, вспоминая, что, по рассказам Фа, всё это называется «разговоры о козьей шерсти».

Беляев дал знак носильщикам, и они, вскрыв ящик, извлекли его содержимое.

— Это подарок Великому Далай-ламе от советского правительства в знак уважения и признания его заслуг по борьбе с английскими и китайскими колонизаторами, — торжественно сказал Пётр.

Возглас изумления вырвался у всех — и у носильщиков, и у старика Жамсо, который даже прикрыл свои глаза сухонькими ладошками, будто отказываясь верить тому, что увидел. Даже у толстяка расширились щёлочки его глаз. Он перевёл дрожащим голосом:

— Во всём Тибете нет такой удивительной статуи Будды.

Пётр прекрасно знал это из рассказов Ульфсона, но изобразил удивление:

— Чем же она так необычна?

Далай-лама заговорил, указывая на подарок. Толстяк переводил:

— Видите этот древний знак на груди Будды? У нас он называется «гинг-гранг», в Индии — «свастика». Это очень древний символ. Но таких статуй хватает и у нас. Но обратите внимание на руки Будды. Он держит их жестом Дхармачакра — Управление законом. В сочетании со свастикой мы видим это впервые.

Глава 2

Далай-лама восхищённо зацокал языком, рассматривая подарок.

— Этот Будда по праву займёт лучшее место в храме Ки Гомпа, — торжественно провозгласил переводчик.

— Мы рады, что наш дар пришёлся по душе Далай-ламе и отважному тибетскому народу, — учтиво сказал Пётр. — А ещё я привёз вам, уважаемый Далай-лама Тринадцатый, письмо от товарища Дзержинского, одного из лучших помощников Махатмы Владимира Ильича Ленина.

Пётр достал запечатанный конверт и с поклоном положил его на золотой поднос, который подставил толстяк.

Хотя конверт и был запечатан, а само письмо написано на санскрите, Беляев знал его до последней строчки. Далай-лама провёл тонкой бровью, и носильщики вместе с Жамсо, кланяясь, удалились. Глава Тибета любезно указал Петру на маленький резной стульчик, после чего разорвал конверт и принялся читать.

На столике рядом со стулом стояли плетёные тарелки с фруктами. Переводчик, улыбаясь, показал на них рукой, но Беляев, тоже улыбаясь, отрицательно помотал головой. Не скажешь же этому жирдяю, что от волнения кусок в горло не лезет.

Далай-лама Тринадцатый наконец прочитал послание, отложил конверт и заговорил:

— То, что предлагает советское правительство свободному Тибету, очень подходит для нас. Поставки оружия, боеприпасов, военных специалистов, а также кредитов золотом — всё это скоро понадобится. За это вы просите показать вам древнее оружие и секреты Города богов.

— Да, — почтительно сказал Беляев. — Ваша делегация на похоронах Ленина сказала товарищу Дзержинскому, что вы владеете такими тайнами и древними знаниями, что в некоторые из них сложно поверить.

Услышав это, Далай-лама засмеялся, обнажив ровные белые зубы.

— В пещерах Города богов скрыто многое, — отозвался он. — Наследие древних великих цивилизаций, их оружие, тайны обработки камня и ещё девятьсот девяносто девять секретов. Но часть из них утеряна, к части из них никто не может подобрать ключ, а к части нельзя приближаться простому смертному, так как для этого требуется посвящение.

Далай-лама встал с кошмы, подсел к столику и пытливо заглянул в глаза Беляева. По спине Петра пробежала дрожь, но он выдержал взгляд и не отвёл глаз.

— Многие плохие люди хотели бы добраться до наших святынь и секретов наших древних монастырей, — с угрозой сказал Далай-лама, — но ещё никому не удавалось это. Десять дней назад к нам приезжали три мужчины и одна женщина из Англии. Они обещали нам много золота, лишь бы мы пустили их в Город богов. А когда мы им отказали, они стали угрожать

нам, пугая, что их Британская империя, над которой никогда не заходит солнце, вторгнется и заберёт всё силой, как они привыкли делать по всему миру.

Беляев незаметно выдохнул. «Уффф… Вот и выяснилась судьба конкурентов. Что ж… Одной проблемой меньше».

— Мы знаем, что творили англичане у наших соседей в Индии, — продолжал Далай-лама, — как расстреливали из пушек сипаев, как грабили древние хранилища…

Далай-лама замолчал. Было видно, что ему трудно говорить об этом.

— Пока Тибет спасают горы, — продолжил он, — но долго так продолжаться не может.

— Если Тибет заключит договор с Советской Россией, — сказал Пётр, — то ни англичане, ни немцы, ни китайцы не посмеют диктовать вам свои условия. Мы обучим ваших людей владеть оружием, миномётами, аэропланами. Вы создадите свою армию с помощью наших специалистов, и тогда не вам, а вы будете диктовать свои условия. А если с помощью наших учёных удастся расшифровать древние знания и технологии, то Тибет станет непобедим.

Беляев взял со стола украшенную богатой резьбой чашу с каким-то прозрачным солоноватым напитком, похожим на нарзан, и сделал несколько глотков. Он успел заметить, как загорелись глаза Далай-ламы от его рассказа.

Глава Тибета не торопился с ответом. Он тоже взял чашу и одобрительно сказал:

— Вода с хребта Кайлас у нас считается целебной, способной залечить как телесные, так и душевные раны.

Толстяк-переводчик всё это время старательно переводил. Пётр покосился на него: «А может, это не просто переводчик? Уж больно хорошо, зараза, говорит по-русски…»

Далай-лама наконец сказал:

— Для того чтобы вы увидели и прикоснулись хотя бы к части древних знаний Города богов, вам нужно пройти посвящение. Не все смертные могут пройти его. Кто-то погибает, кто-то сходит с ума. У нас есть целый монастырь с теми, чей разум навсегда остался там, в подземельях Норбулинки, ибо то, что увидят там люди, не всегда сможет принять их разум, а тела не в состоянии терпеть боль.

— Мы готовы, — ровно сказал Беляев.

— Вот так сразу, даже не спросив, что это за посвящение? — усмехнулся Далай-лама. — Что же, мне говорили о храбрости русских, которая часто граничит с безумием.

— Вы правы, — отозвался Пётр. — Каждый из нашей экспедиции готов пожертвовать и жизнью, и разумом для достижения цели. А цель у нас одна — дружба Советской России и Тибета.

Далай-лама снова одобрительно прищёлкнул языком:

— Достойные слова мужа из великой страны. Ждите наш ответ завтра. Вас известят. А пока отдыхайте и набирайтесь сил. Они вам вскоре понадобятся.

Далай-лама встал, давая понять, что разговор на сегодня окончен. К Петру подошёл неслышно появившийся Жамсо:

— Идёмте, Пётр Николаевич, я провожу вас.

Беляев шагал за стариком по залам Норбулинки и мучительно размышлял: «Что же делать? А если они на самом деле все трое погибнут или сойдут с ума? Что тогда? Правда, есть ещё Нахим, но когда он ещё выздоровеет и доберётся до Лхасы…»

Придя в свою комнату, Беляев вызвал Лизу и Василия. Они только что вернулись с прогулки по окрестностям Норбулинки, куда ходили втроём с Матвеем. Раскрасневшейся, счастливой Лизе очень хотелось рассказать, что они видели, но, увидев мрачное лицо Петра, она замолчала.

Беляев кратко рассказал содержание их разговора с Далай-ламой.

— В общем, так, братцы-кролики, — заключил он, — идти втроём мы не имеем права. Кто-то из нас должен остаться. И это будешь ты, Лизавета.

Беляев не ожидал, что обычно спокойная и улыбчивая Лиза так рассердится.

— Меня не вы, а Дзержинский выбирал в экспедицию! — запальчиво крикнула она. — Я наравне с вами прошла всю дорогу! А теперь, когда мы у цели, вы меня отстраняете?! А вдруг вам там, на этих испытаниях, медицинская помощь понадобится? У меня есть ещё Пап…

Лиза поняла, что сболтнула лишнего, и прикусила язык.

Василий с удивлением смотрел на бунт Лизы, а Пётр терпеливо сказал скучным голосом:

— Всё понимаю, товарищ Запольская, но пока я начальник экспедиции, и слушать вы будете мои приказы. Точка.

— Слушаюсь, — уныло сказала Лиза и, гордо подняв голову, вышла из комнаты.

Беляев с улыбкой посмотрел на Мухина:

— Ох уж эти женщины…

После чего уже серьёзно спросил его:

— В физическом твоём здоровье я, Вася, не сомневаюсь. А как насчёт морального? Как считаешь, выдержишь?

Мухин секунду колебался, но тут же твёрдо ответил:

— Выдержу, Пётр Николаевич. Я даже в детстве всегда на спор побеждал — кто ночью дольше всех на кладбище продержится.

— Боюсь, то, что мы увидим завтра, будет пострашнее любого кладбища, — вздохнул Пётр.

Глава 3

Проснувшись, Пётр удивился сам себе. Сегодня — тяжёлый, а возможно, и последний день его жизни, но спал он как младенец. То же самое сказал ему и Мухин:

— Я, Пётр Николаевич, давно так не спал, как сегодня. Прямо чувствую, что горы сверну. Как Илья Муромец из былины, которому калики перехожие силушки дали.

Вскоре за ними зашёл Жамсо:

— Далай-лама Тринадцатый ждёт вас.

Пётр пожал руку Лизе и прошептал:

— Не говори остальным, куда мы пошли. Скажи — просто на переговоры. Если что-то случится, требуй аудиенции Далай-ламы. Всё.

Он повернулся, успев заметить, как застенчиво и неловко обнялись Лиза с Василием.

Снова потянулись знакомые залы и коридоры.

— Тхуптен Гьяцо, Далай-лама Тринадцатый, — провозгласил Жамсо.

На этот раз Далай-лама был одет в белоснежный халат до пола, а на его голове была высокая шапка, отороченная мехом. Около правителя Тибета снова стоял толстяк-переводчик, одетый во всё чёрное — от маленькой круглой шапочки на бритой голове до сапог с загнутыми кверху носами.

Далай-лама торжественно и нараспев заговорил:

— Сегодня вы примете обряд посвящения, после чего будете допущены к трём пещерам подземелья Города богов с их тайнами и знаниями. Если, конечно, пройдёте его.

Беляев и Василий почтительно склонили головы в знак благодарности.

Далай-лама продолжил:

— А теперь идите. Двенадцать сторожей ждут вас. Таньба!

Из глубины зала к Далай-ламе подошёл молодой тибетец, тоже наголо бритый, без бровей и даже без ресниц, одетый в серый мешковатый костюм. Он приложил руки к груди в знак приветствия и замер.

— Таньба проведёт вас к месту посвящения, — сказал Далай-лама. — Надеюсь, что вы вернётесь живыми и здоровыми.

Таньба кивнул и молча пошёл к выходу из зала. Василий и Пётр последовали за ним.

— Что, Вася, поджилки трясутся? — с усмешкой шёпотом спросил Беляев.

— Есть немного, — отозвался Мухин. — Мне мой папаша-священник всегда говорил: если страшно, читай «Отче наш». А я вот сейчас про себя «Интернационал» пою. Он понадёжнее будет, считаю.

Они шли за монахом, тихо переговариваясь. Залы сменялись коридорами, наконец начались многочисленные ступеньки, которые тоже прерывались комнатами и коридорами. И если сначала в помещения ещё поступал дневной свет из маленьких окон, то после двух или трёх спусков вниз стало совсем темно.

Таньба достал откуда-то масляный фонарь, и тусклый желтоватый свет озарил темноту коридоров. Запахло сыростью. Беляев почувствовал, как ему на голову с потолка упало несколько капель. Василий, поскользнувшись в какой-то луже, чуть не упал и еле сдержался, чтобы не выругаться.

Они спускались всё ниже и ниже. Наконец ступеньки кончились, и Пётр с Василием очутились в просторном зале, в стенах которого с треском горели факелы. Посредине зала находился высокий рассохшийся столб. Пётр рассмотрел на нём бурые пятна. «Неужели кровь?» — пронеслось у него в голове. Столб обвивали десятки каких-то ремней и цепочек.

По краям зала застыли двенадцать человек в серых одеждах — с каждой стороны по четверо. Все они, как один, были похожи на Таньбу: голые черепа без единой волосинки и такие же неподвижные, ничего не выражающие лица.

Таньба заговорил с ними. Такого языка, наверное, не слышал даже полиглот Ульфсон. Это был даже не язык, а какие-то горловые звуки, будто всем этим людям (людям ли?) напихали в рот горячей каши и заставили глотать. Пётр вдруг понял, что это не монахи-буддисты, а кто-то другой. Не зря Далай-лама назвал их сторожами.

Беляев взглянул на своего спутника. Круглое лицо Василия было спокойно, а губы даже были растянуты в полуулыбку.

Таньба повернулся к Петру и Мухину и сказал на чистейшем русском языке:

— Вам предстоит отрешиться от всего земного. Скиньте одежду и встаньте к столбу.

— Ладно, хоть исподнее чистое надел, — тихо хмыкнул Василий.

— Что ж такое они удумали-то, — вполголоса сказал Беляев, снимая одежду.

Совершенно голые, они подошли к столбу и встали около него.

— Сдаётся мне, Пётр Николаевич, сейчас жертвоприношение будет, — отозвался Мухин. — Прям не терпится сдачи дать этим попам… или кто они там.

Все тринадцать сторожей начали что-то тихо и ритмично петь. Постепенно их голоса становились громче и громче. Пётр вдруг снова почувствовал ту самую волну животного, первобытного страха, который обуял его на поляне в горах. Но тогда всех спас Фа, немилосердно колотя их плетью, а сейчас?

Звуки становились всё громче и невыносимее. Беляев хотел схватиться руками за уши, но с ужасом понял, что не может даже пошевелиться. Рядом дёргался Василий, который, видимо, тоже испытывал те же самые муки. Звук нарастал. Он заполнил каждую клеточку тела, тёк по позвоночнику, заставляя всё вибрировать.

Беляев почувствовал, как из ушей тонкой струйкой хлынула кровь. Пётр скосил глаза и увидел, как к ним подошёл Таньба. В руках его был длинный жертвенный нож. Он схватил своей сухой жёлтой ладонью пригоршню кожи на груди Беляева, оттянул и сделал глубокий надрез, после чего продел в него один из ремней, обвивавших столб.

Пётр почувствовал, как его кровь побежала по груди, по животу и ногам. Теперь он понял, откуда на этом столбе бурые засохшие пятна. То же самое Таньба проделал с Мухиным. Тот молча, не двигаясь, стоял, что-то шепча себе под нос.

«Если всё посвящение состоит из этого, то мы с Васькой ещё легко отделались», — пронеслось в голове у Беляева.

Пётр умел терпеть боль. Этому его научили старые большевики-каторжане.

«Всё в твоей голове, Петька, — говорил ему когда-то давно эсер-террорист-бомбист, татарин Азат Сакля, — не давай волю мыслям. Ожидание боли намного хуже самой боли. Не думай! Сама по себе боль не так уж непреодолима в известных пределах. Научись в нужный момент не думать, а ещё лучше — падать без сознания. Тогда все усилия своих палачей ты будешь сводить на нет! Когда в 1904-м, после того как я взорвал генерал-губернатора Тиниди, мне загоняли в охранке иглы под ногти, я успевал вовремя хлопаться в обморок, чем сильно раздражал жандармов».

Падать в обморок Пётр пока не хотел. Он усилием воли очистил голову от всех мыслей и теперь молча стоял, закрыв глаза, чувствуя, как ремень оттягивает проколотую кожу.

— Рвите! — закричал Таньба. — Рвите со своим мирским прошлым!

Пётр дёрнулся, но надрез был сделан так глубоко, что Беляев, как мячик на резиновом шнурке, вновь откинулся к столбу. Кровь побежала сильнее.

Надрезы на груди Василия Мухина были либо слабее, либо, что вероятнее, Мухин оказался просто сильнее. Пётр увидел, как ремень, связывавший его товарища со столбом, повис. На конце ремня болтался окровавленный кусок мяса, а сам Василий куда-то исчез.

— Рви! — зарычал Таньба. — Или истечёшь кровью!

Шум в зале стал таким невыносимым, что Пётр понял: если он не освободится, то сойдёт с ума.

Для следующего броска Беляев успел подготовиться. Он не только рванулся сам, но и успел оттолкнуться от столба босыми ногами. Пётр почувствовал, что грудь его будто распороли зазубренной саблей. Коротко прохрипев, он провалился в небытие.

Что-то большое и чёрное рвало на части его грудь, будто в рану, откуда был вырван кусок мяса, опустили голодную крысу и накрыли железной кастрюлей.

Глава 4

Беляев очнулся и, не открывая глаз, схватился за грудь. Последнее, что он помнил, — дикую боль и кровь, хлынувшую из него. Но, к удивлению Петра, в груди его не зияло никакой раны. Он наконец разлепил глаза и огляделся. Кругом слышалось ржание коней, людской гомон и бряцание оружия. Рядом с ним лежал Василий, скрюченный, голый, но тоже без зияющей раны в груди. Ничего не понимая, Пётр сел.

— Памфилос, Кальяс! Чего расселись?! Меньше вчера надо было пить фалернского с лучниками!

На тонконогом изящном коне к ним подскакал всадник в блестящих доспехах.

— Вы что, не слышали?! Всем строиться!

Всадник ускакал, а Беляев наконец увидел, что рядом с ними лежит сваленная в кучу одежда, латы, щиты и мечи.

— Пётр Николаевич, если я что-то понимаю, пристрелите меня, — простонал Мухин.

— Нечем, Вася, тебя пристрелить, — глухо отозвался Беляев, рассматривая меч, валявшийся около него.

Вооружение и амуниция людей вокруг показались Петру странно знакомыми. Где же он совсем недавно видел всё это?

— Да мы же опять у этого… Александра Македонского! — воскликнул Мухин. — Опять у нас мираж, или, как там Игорь Карлович говорил, коллективные галлюцинации?!

— Я кому сказал в строй?!

На плечи Петра и Василия опустилась широкая кожаная плеть, оставляя алые полосы. Оба они скорчились от боли, которая, впрочем, ни шла ни в какое сравнение с той болью, что они испытали у столба.

Отвесив ещё несколько ударов, всадник ускакал.

— При галлюцинациях не больно, — просипел Пётр.

— Значит, что? — спросил Василий.

К ним снова подскакал всадник, но уже не тот, который угощал их плетью. Это был Таньба. Но уже не в серой просторной одежде, а в кольчуге, поножах и шлеме с высоким гребнем.

— Вы прошли первую часть испытания, — крикнул он. — Настала очередь второй. Город персов не сдаётся. Вы должны одни из первых ворваться в него и доказать вашу доблесть.

— А что потом? — крикнул Беляев. — Опять опоите нас, перенесёте к первобытным людям и заставите охотиться на мамонта?!

Но Таньба не захотел отвечать. Он ударил пятками в бока коня и ускакал куда-то в сторону.

— Хорошенькое дело, — озадаченно сказал Мухин. — Вопросов больше, чем ответов. А почему мы понимаем по-ихнему? А вдруг царь Александр нас узнает? А что если…

Василий увидел, что к ним снова приближается грозный воин с плетью, и торопливо схватил из кучи тряпья тунику, стал напяливать на себя, оглядываясь на других.

Кое-как напялив на себя амуницию, Беляев подвигал плечами.

— Тяжело как… А ведь ещё и щит, и меч…

Он по привычке хотел вытащить бинокль и посмотреть на очертания городских стен, видневшихся вдали. Тем временем Мухин уже окончательно пришёл в себя.

— Думаю, эта заваруха будет не труднее конной рубки в строю. Выдюжим, Пётр Николаевич!

— Только вот коней нам с тобой, Вася, наверно, не дадут, — усмехнулся Беляев.

Город представлял собой неправильный четырёхугольник городских стен, на которых густо стояли защитники города.

— Памфилос, Кальяс, чего опять копаетесь?! — крикнул им худой бородатый воин в доспехах с круглым щитом. — Скорее в строй!

Последние слова его заглушил рёв труб.

«Кто из нас Памфилос, а кто Кальяс?» — подумал Беляев. Но размышлять уже было некогда. Они подобрали с земли щиты и прямые мечи и бросились за окликнувшим их воином.

Встав в ряд, Пётр вертел головой, осматривая своих соседей и впереди стоящих воинов. Над войском колыхалось нестройное море копий. То тут, то там можно было рассмотреть огромные, неуклюжие катапульты. Неожиданно воины взревели и застучали оружием о щиты. Перед войском мчался сам Александр. На том же самом вороном огромном коне с белой отметиной во лбу, в блестящих на солнце латах и шлеме с крыльями. За царём скакала свита — тоже вся в золоте и пурпуре.

— Ба-зи-левс! — скандировали воины, стуча оружием о щиты. — Ба-зи-левс!

Александр резко закричал хриплым голосом, указывая голой мускулистой рукой на стены города:

— Храбрейшие из храбрейших! Краснобородые дерзнули не покориться мне — сыну бога на земле! За это их ждёт смерть, а вас — моя милость! Повелеваю! Кто первый залезет на стены города, того ждёт царская награда: десять талантов и чаша вина из моих рук. Остальных ждёт награда в самом городе! Он ваш! Никакой пощады персам!

— А-а-а! — по рядам воинов свирепой волной пронёсся восторженный рёв.

— Это что же, — крикнул Василий Петру, — и нам мародёрством придётся заниматься? Не хочется! Мы как-никак бойцы Красной армии, пусть и в войске Александра!

— Наше дело — остаться в живых и проникнуть в город, — отозвался Пётр, поправляя шлем.

Снова заревели трубы, и раздались глухие удары: катапульты начали с грохотом метать в непокорный город огромные камни, куски дерева и тяжёлые стрелы.

Александр вытащил меч и, издав яростный крик, первым погнал коня к вражеским стенам. За ним быстрым шагом, переходящим на бег, двинулись воины. Десятки коней, выбиваясь из сил, тащили колоссальный таран, состоявший из огромного бревна с бронзовым набалдашником на конце. Бревно было подвешено на цепях внутри каркаса из брусьев и брёвен на колёсах.

Беляев и Василий мерной поступью шагали в шеренге других воинов, которые, к удивлению их обоих, будто знали их сто лет, называя Беляева Памфилосом, а Мухина Кальясом.

Когда до стен оставалось не более двухсот метров, раздались резкие возгласы десятников:

— Приготовиться! Щиты!

Повинуясь приказу, ряды воинов едва успели поднять щиты над головами, как со стен на штурмующих обрушились тучи стрел и камней. Несколько человек, не успевших прикрыться, со стоном упали на колени. У одного из них Беляев увидел в шее длинную оперённую стрелу. И тут же сам почувствовал, как в его щит, будто град в окно, застучали удары.

— Вася, держи строй, выше щит! — крикнул он своему товарищу. — А то мы Лизу разочаруем!

— Слушаюсь!

Лиза… Каким далёким теперь казалось и их путешествие, и сама Лиза, с улыбкой смотревшая своими голубыми глазами когда-то на него и Василия в степях Киргизии, когда они встретились в первый раз.

Одна из стрел, проскользнув между щитами, воткнулась в паре сантиметров от шнурованного до колен сапога Петра.

А между тем первые ряды уже вступили в схватку, упёрв длинные тяжёлые лестницы в городские стены. Одними из первых по ним начал карабкаться Александр с несколькими телохранителями. Множество воинов тоже бросилось к лестницам, остальные начали лихорадочно вбивать в стены крюки и костыли. Сверху сыпались камни, стрелы и гортанные ругательства персов.

Пётр забросил щит за спину и, подскочив к лестнице, быстро стал подниматься вслед за бородатым худым гоплитом, который первый окликнул их. Рядом, по соседней шаткой лестнице, карабкался Василий, потерявший в общей сутолоке щит. Пётр поднял голову. Где-то на уровне зубцов стен развевались белые крылья царского шлема.

Лезший впереди Беляева воин вдруг отпустил лестницу и, на секунду зависнув, молча рухнул вниз, чуть не зацепив Петра. Мимо пропела стрела. Беляев выхватил из-за спины круглый щит и упёрся им в зубцы стены, вынимая из ножен меч.

— Ну, поехали!

Глава 5

Дюжий перс с боевым топором в одной руке и плетёным из лозы щитом в другой нанёс удар, целясь в голову Беляева. Но тот успел прикрыться щитом и ударил рукояткой меча в лицо противнику. Тот, вскрикнув, опрокинулся на спину, так и не вытащив топор из щита. Беляев уже собирался спрыгнуть внутрь крепости, как какая-то женщина с криком бросила ему в лицо что-то из корзины. Это оказался песок, который мгновенно запорошил глаза Петра. Тут же он почувствовал удар по голове чем-то тяжёлым, вероятно, дубиной. Беляев отпустил лестницу и рухнул вниз — прямо на головы лезших за ним воинов, увлекая их за собой. Ему повезло ничего не сломать, так как он приземлился на убитую лошадь.

А кругом кипел штурм. Таран подогнали к самым стенам города, и раздался первый глухой удар. По лестницам, будто муравьи, упрямо взбирались новые волны воинов. Их сбивали стрелами, камнями; они падали, как Беляев, увлекая за собой своих товарищей.

Ворота крепости распахнулись, и из них хлынули, контратакуя, персы. Вылазка была столь неожиданной, что македонцы дрогнули и стали отходить. Особенно страшная рубка началась у тарана, который не переставал долбить стену.

Беляев вскочил, перемазавшись лошадиной кровью и кишками. Рядом с ним дрался Василий, который каким-то чудом умудрился не сорваться с лестницы, а слезть с неё. В руках у Мухина было два длинных меча, которые он поочерёдно пускал в ход. Тут же сцепились несколько десятков македонцев и около сотни наседавших на них персов.

— Сомкнуть ряды! — орал десятник, размахивая копьём. — Спасаем таран!

Но таран было уже не спасти. Несколько возниц попытались запрячь коней, чтобы они оттащили орудие от стен, но было уже поздно. Поле боя стал заволакивать чёрный дым: персы, разбив о таран несколько больших кувшинов с нефтью, подожгли его. Обожжённые, взбесившиеся кони, не слушавшие возниц, сорвались из упряжи и с диким ржанием беспорядочно носились по полю, топча и македонцев, и персов.

Удары бревна с бронзовым набалдашником вскоре замолкли, и персы с радостным воем усилили натиск. Беляев видел, как свалился с разбитым черепом их десятник, как подняли на копья ещё нескольких гоплитов. К Мухину бросилось сразу четверо персов, все в наборных панцирях и с блестящими акинаками*. Но Василий не отступил. Он скакнул, будто состязался в прыжках в длину, им навстречу и двумя сильными ударами тяжело ранил в бок одного из нападавших и выбил меч из рук второго. Тут подоспел Беляев, и двое других замешкались, попятившись.

Таран продолжал гореть, заволакивая всё вокруг дымом, сквозь который пробивалось солнце. Прозвучал сигнал к отступлению, и пехота Александра начала отходить, огрызаясь от наседавших персов, которые успели запалить ещё и одну катапульту.

Войско перевязывало раны. Пётр, сжав зубы, тоже замотал тряпкой сочившийся кровью рубец на плече, который ему оставил молодой перс своим копьём с широким листообразным наконечником. Рядом сидел Мухин, который снял сандалии и осматривал свои покрытые волдырями ноги.

— Ни к чёрту обувка, — сокрушённо сказал он.

— Ну что, Кальяс, не вышло у нас с первого раза второе испытание пройти? — усмехнулся Беляев.

— А всё потому, что в лоб атакуем, — убеждённо отозвался Мухин.

— А как надо? — удивился Беляев.

Василий встал и выпрямился, указывая на городские стены.

— Вон в том месте, видите, Пётр Николаевич, где мы на штурм полезли, — русло реки, которая через стену в город идёт.

— Ну, вижу.

Василий тряхнул своим чубом, удивляясь, что его командир до сих пор не понял.

— Так русло-то пересохло, как тогда, перед наводнением. По нему можно пролезть под стеной и очутиться в городе!

Беляев опять внимательно посмотрел на городскую стену и пересохшее русло реки. «Ну и Вася!»

— Рядовой Мухин, — торжественно сказал Пётр, — от лица нашей экспедиции выражаю тебе благодарность!

— Как бы это странно ни прозвучало, но служу трудовому народу, Памфилос Петрович!

Раздались удары барабанов, призывавшие к обеду.

— Памфилос, Кальяс, идёмте есть, а то опять нам на донышке котла останется, — сказал воин по имени Никомах, подойдя к ним.

— Такое чувство, что мы тут служили сто лет и все нас знают, — прошептал Беляев.

Они подошли к костру, на котором булькало в огромном котле какое-то варево.

— Эх, борща бы сейчас! — мечтательно сказал Пётр, хлебая из деревянной миски просяную похлёбку.

Весь вечер и всю ночь армия залечивала раны, а утром, едва расцвело, Александр снова построил своё поредевшее войско. На этот раз Пётр и Василий оказались в первом ряду.

— Ну, если узнает нас, то хана нам, — шепнул Мухин.

— Как он нас узнает? — отозвался Пётр. — Во-первых, тогда была галлюцинация, а во-вторых, не может же он помнить в лицо всех своих воинов!

— Может! — не согласился Василий. — Мне Игорь Карлович рассказывал, что он не только в лицо, но и по именам чуть не всех своих воинов знал.

Александр ехал вдоль рядов, но уже не на своём вороном Буцефале, которого, видимо, берёг, а на обычном рыжем рослом скакуне.

— Они думают, что я уйду! — исступлённо крикнул он. — Но не было ещё такого города или крепости, который бы не взял Александр! Но если вчера я проявил бы милость к сдавшимся, то сегодня… К вечеру этот город должен быть в руинах, а его непокорные жители — в рабстве. Я удваиваю награду тем, кто первым ворвётся в него! Именем моего отца Зевса! На штурм!

Снова, как вчера, раздался яростный клич воинов, удары оружия по щитам и ржание коней. К стенам города вновь поползли уже два тарана, которые за ночь обшили сырыми бычьими кожами. Воины опять тащили на плечах лестницы, верёвки и крюки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.